

**ФИГУРА EXPOLITIO: РИТОРИЧЕСКОЕ УКРАШЕНИЕ
ИЛИ ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ?
(Cic. Arch. 28–30 И rhet. Her. IV 42, 56–57)**

В настоящей статье представлен анализ случаев употребления фигуры *expolitio* («замедление») в речи Цицерона в защиту поэта Архия. Основное внимание уделено сопоставлению примеров использования этой фигуры Цицероном в *Pro Archia* и изложению способов ее употребления, представленному в «Риторике к Гереннию». Ставится вопрос об уместности «школьного» оформления одной из ключевых идей речи — рассуждения о бессмертии души и посмертной славе. Демонстрируется значение этой фигуры в композиции и замысле речи в защиту поэта.

Ключевые слова: «замедление», Цицерон, речь в защиту Архия, синонимия, парафраза, фигуры речи, аффективные фигуры.

Ekaterina V. Antonets

Lomonosov Moscow State University. Russia. evantonetz@yandex.ru

***Expolitio: ornamental device or instrument of influence?*
(Cic. Arch. 28–30 and rhet. Her. IV 42, 56–57)**

The present paper seeks to investigate how the rhetorical device called *expolitio*, or *commoratio*, is used in Cicero's speech *Pro Archia*. *Expolitio* is a restatement with a variation of the theme. Cicero often uses this figure in *Pro Archia*. *Expolitio* is the main ornamental device of expressing the idea of immortality in this speech. In the paper, Cicero's use of this figure (Cic. Arch. 28–30) is compared with the technique discussed by the author of the *Rhetorica ad Herennium*. The paper intends to investigate the aim of Cicero's 'school' composition in *Pro Archia*.

Key words: *expolitio*, *commoratio*, Cicero, *Pro Archia*, synonym, paraphrasis, figures, affective figures.

Речь Цицерона в защиту поэта Архия была произнесена в 62 г. до н. э., т. е. в следующем году после консульства Цицерона. Цицерон выступил защитником по делу греческого поэта Архия, обвиненного в незаконном присвоении права римского гражданства. Речь занимает особое место среди других речей Цицерона прежде всего потому, что значительная ее часть посвящена не юридической стороне дела, а рассуждению о пользе литературы для формирования личности оратора и государственного деятеля (Cic. Arch. 12–30). Особенностью речи

является также ее стиль, более свойственный торжественному, а не судебному красноречию (Gotoff 1979; Nesholm 2010). У Цицерона были веские причины не углубляться в юридические детали дела Архия, и отступление о пользе литературы, по всей вероятности, имело серьезные политические основания (Grammer 2012). Одной из целей выступления на процессе Архия было, по-видимому, утверждение своей собственной позиции в ситуации, когда казнь катилинариев в год консулата стала поводом для новых нападков политических противников в последующем году.

Свое выступление, посвященное защите поэта, Цицерон облекает в форму, подобающую предмету рассуждения (*Cic. Arch.* 3). Поэтому речь изобилует различными риторическими украшениями и содержит практически все риторические фигуры.

Сущность фигур очень точно сформулировал М. Л. Гаспаров: «Фигурами (*σχήματα* «позы», то есть положения тела, отступавшие от спокойной неподвижности) назывались в античности все выражения, отступавшие от той неопределенной нормы, которая считалась разговорной естественностью» (Gasparov 2000: 446).

Фигуры традиционно разделяют на фигуры мысли и фигуры слова. Грань между этими двумя категориями фигур не всегда можно четко обозначить (Lausberg 1960: 375). Среди фигур мысли выделяются фигуры, уточняющие отношение к предмету (аффективные фигуры) (Gasparov 2000: 448). Они подчеркивают важность предмета и служат для того, чтобы вызвать у слушателей определенное отношение к обсуждаемому вопросу или определенную эмоциональную реакцию на то, о чем говорит оратор. Эти фигуры являются не выражением непосредственного, искреннего и естественного чувства, а риторическим изображением и представлением этого чувства.

Аффективные фигуры могут рассматривать предмет с четырех сторон: от говорящего (*exclamatio* «восклицание»), от самого предмета (*commoratio* «задержка» и *evidentia* «наглядность»), от других лиц (*sermocinatio* «этопия, вымышленная речь» и *fictio personae* «олицетворение») и от явлений природы и бытия в целом (*similitudo* «подобие»).

Внимание настоящей заметки сосредоточено на одной из аффективных фигур — фигуре «замедления». В речи в защиту Архия эта фигура употребляется часто и имеет, по-видимому, ключевое значение. Мы попробуем рассмотреть, какую функ-

цию выполняет эта фигура в нашей речи: служит ли она исключительно для украшения или же несет некую идейную нагрузку.

В «Риторике к Гереннию» эта фигура называется *expolitio* (*rhet. Her.* IV 42, 54–45, 58); в трактате «Об ораторе» Цицерон называет ее общим именем *commotatio una in re* (*Cic. de or.* III 202). Смысл «замедления» заключается в том, чтобы представить высказанную мысль в ином словесном выражении, благодаря чему повествование замедляется и фиксируется на одной главной мысли (*Lausberg* 1960: 413–423).

Если эта мысль является центральной, основной мыслью речи, то фигура называется *commotatio* (*rhet. Her.* IV 45, 58). Возвращение к ключевой идее речи — одна из важнейших задач хорошего оратора, который тем самым постоянно держит внимание слушателей на главном пункте своего рассуждения. Так, например, главная мысль речи в защиту Архия, заявленная в *partitio*, состоит в том, что Архий достоин римского гражданства не только по закону, но и благодаря своему таланту и своим большим заслугам перед римским народом (*Cic. Arch.* 4a). Эта мысль в разных ее аспектах повторяется на протяжении всей речи, например: *ergo ille corporis motu...* (17); *hunc ego non diligam...* (18); *ergo illi alienum, quia poeta fuit...* (19); *ergo illum, qui haec fecerat...* (22); *itaque, credo, si civis Romanus Archias legibus non esset...* (25); *quid? a Q. Metello Pio, familiarissimo suo...* (26); *quare in qua urbe imperatores...* (27)¹.

В «Риторике к Гереннию» выделяются два вида *expolitio*: когда повторяется та же самая мысль (*eadem res*; «языковая» *expolitio*), и когда говорят об одном и том же (*de eadem re*; «смысловая» *expolitio*).

Повторить мысль можно тремя способами: либо буквально повторить фразу с другой интонацией, либо изменить способ выражения, представив эту мысль как речь другого лица или посредством апелляции к аудитории, либо воспроизвести ее на другой лад (*rhet. Her.* IV 42, 54).

Простой способ повторения мысли состоит в буквальном повторе фразы с изменением интонации. Это иллюстрируют следующие примеры: ‘*Patri*’ *inquit* ‘*non placebat.*’ *Patri non placebat?* (*Cic. Rosc. Am.* 40); *Hic tamen vivit! Vivit?* (*Cic. Catil.* I 2).

---

¹ В данной статье текст речи в защиту Архия приводится по изданию Г. Кастена (*Kasten* 1993).

Изменить способ выражения мысли можно посредством *sermocinatio* («этопеи») — вложив ее в уста вымышленного персонажа, и *exsuscitatio* — оформив эту мысль как обращение к слушателям (*rhet. Her.* IV 43, 55–56).

Наконец, мысль можно повторить другими словами. Когда каждое слово основной мысли повторяется посредством употребления синонима или синонимичного выражения, то образуется фигура *interpretatio* (*rhet. Her.* IV 28, 38), которая является краткой разновидностью парафразы. Автор «Риторики к Гереннию» приводит следующий пример *interpretatio*: *rem publicam radicibus evertisti, civitatem funditus deiecisti* (*rhet. Her.* IV 28, 38). К этому примеру можно добавить известный пример «замедления» из первой «Катилинарии» Цицерона: *quo usque tandem abutere, Catilina, patientia nostra? quam diu etiam furor iste tuus nos eludet? quem ad finem sese effrenata iactabit audacia?* (Cic. *Catil.* I 1).

Яркие примеры воспроизведения сказанного с сохранением конструкции фразы и с заменой слов синонимичными выражениями находим в речи в защиту Архия: *quoad longissime potest mens mea respicere spatium praeteriti temporis et pueritiae memoriam recordari ultimam* (1); *trahimur omnes studio laudis et optimus quisque maxime gloria ducitur* (26); (*quia suppeditat nobis,*) *ubi et animus ex hoc forensi strepitu reficiatur et aures convicio defessae conquiescant* (12); *qua re quis tandem me reprehendat aut quis mihi iure suscenseat...* (13).

Повторение главной мысли может быть также расширенным, когда имеет место не буквальное воспроизведение каждого слова синонимом, а мысль повторяется более пространно. В «Риторике к Гереннию» находим такой пример:

Nullum tantum est periculum, quod sapiens pro salute patriae vitandum arbitretur. Cum agetur incolumitas perpetua civitatis, qui bonis erit rationibus praeditus, profecto nullum vitae discrimen sibi pro fortunis rei p. fugiendum putabit et erit in ea sententia semper, ut pro patria studiose quamvis in magnam descendat vitae dimicationem (*rhet. Her.* IV 42, 54).

Главная мысль выражена в первом предложении — *nullum tantum est periculum, quod sapiens pro salute patriae vitandum arbitretur*. Эта мысль повторяется в следующей фразе, причем каждому слову или выражению соответствует более развернутый оборот. Например, предложной конструкции *pro salute* соответствует придаточное предложение *cum agetur incolumitas perpetua civitatis*; существительному *sapiens* — парафраза *qui*

bonis erit rationibus praeditus; словосочетанию nullum periculum — более пространное profecto nullum vitae discrimen и т. д. (Lausberg 1960: 416).

Так, повтор мысли «литература сохранила примеры для подражания» встречаем в речи за Архия: *sed pleni omnes sunt libri, plenae sapientum voces, plena exemplorum vetustas; quae iacerent in tenebris omnia, nisi litterarum lumen accederet. quam multas nobis imagines non solum ad intuendum, verum etiam ad imitandum fortissimorum virorum expressas scriptores et Graeci et Latini reliquerunt!* (14). Здесь мысль сначала приводится в виде утверждения: «много примеров есть в книгах и в устной традиции», затем — в негативной формулировке: «исторические примеры были бы забыты, если бы не было литературы», а затем — в позитивной в форме восклицания (*exclamatio*): «как много примеров сохранили писатели!».

Expolitio, когда говорят об одном и том же (*rhet. Her. IV 43, 56–44, 57*), выражается не только на языковом уровне, но и на смысловом (Lausberg 1960: 418–419). В таком случае к высказанной мысли добавляется новая мысль, в которой может излагаться: причина, негативная и позитивная формулировка основной мысли с изложением мотивов для каждой из них, противопоставление, пример, сравнение, вывод (*rhet. Her. IV 43, 56*).

Автор «Риторики к Гереннию» приводит примеры на все возможные способы расширения начальной мысли применительно к исходной фразе *sapiens nullum pro re publica periculum vitabit*:

(*формулировка мысли:*) *Sapiens nullum pro re p. periculum vitabit*, (*причина:*) *ideo quod saepe, cum pro re p. perire noluerit, necesse erit cum re p. pereat; et, quoniam omnia sunt commoda a patria accepta, nullum incommodum pro patria grave putandum est.*

(*негативная и позитивная формулировка:*) *Ergo qui fugiunt id periculum quod pro re p. subeundum est, stulte faciunt: nam neque effugere incommoda possunt et ingrati in civitatem reperiuntur. At, qui patriae pericula suo periculo expetant, hi sapientes putandi sunt, cum et eum, quem debent, honorem rei p. reddunt, et pro multis perire malunt, quam cum multis.*

(*антитеза:*) *Etenim vehementer est inicium vitam, quam a natura acceptam propter patriam conservaris, naturae cum cogat reddere, patriae cum roget non dare; et, cum possis cum summa virtute et honore pro patria interire, malle per dedecus et ignaviam vivere; et cum pro amicis et parentibus et ceteris necessariis adire*

periculum velis, pro re p., in qua et haec et illud sanctissimum patriae nomen continetur, nolle in discrimen venire.

(сравнение:) Ita uti contemnendus est, qui in navigio non navem quam se mavult incolumem, item vituperandus, qui in re p. discrimine suae plus quam communi saluti consulit. Navi enim fracta multi incolumes evaserunt; ex naufragio patriae salvus nemo potest enatare.

(пример:) Quod mihi bene videtur Decius intellexisse, qui se devovisse dicitur et pro legionibus in hostis immisit medios. Amisit vitam, at non perdidit. Re enim vilissima certam et parva maximam redemit. Vitam dedit, accepit patriam; amisit animam, potius est gloriam, quae cum summa laude prodita vetustate cottidie magis enitescit.

(вывод:) Quodsi pro re p. decere accedere periculum et ratione demonstratum est et exemplo conprobatum, ii sapientes sunt existimandi, qui nullum pro salute patriae periculum vitant (*rhet. Her.* IV 44, 56–57).

Этот пример из первого римского риторического руководства особенно интересен, если сопоставить его с риторической техникой Цицерона в речи в защиту Архия. Заключительный пассаж данной речи посвящен теме бессмертия и посмертной славы (27–30). В общей логике защиты он выводится из посылки, что Архий, как и любой другой поэт, воспевая подвиги видных деятелей и полководцев, увековечивает их имена в памяти потомков. Стремление к посмертной славе свойственно всем людям, а поэт служит инструментом закрепления этой славы в вечности. Основное внимание Цицерон обращает на свои достижения на посту консула и надеется, что Архий напишет поэму в его честь.

Рассуждение о бессмертии оформлено посредством exprolitio с соблюдением всех правил, изложенных в «Риторике к Гереннию»:

Neque enim est hoc dissimulandum, quod obscurari non potest, sed prae nobis ferendum: (*формулировка главной мысли:*) trahimur omnes studio laudis (*interpretatio:*) et optimus quisque maxime gloria ducitur. (*пример 1:*) ipsi illi philosophi etiam illis libellis, quos de contemnenda gloria scribunt, nomen suum inscribunt: in eo ipso, in quo praedicationem nobilitatemque despiciunt, praedicari de se ac nominari volunt. (*пример 2:*) Decimus quidem Brutus, summus vir et imperator, Acci, amicissimi sui, carminibus templorum ac monumentorum aditus exornavit suorum. (*пример 3:*) iam vero ille, qui cum Aetolis Ennio comite bellavit,

Fulvius non dubitavit Martis manubias Musis consecrare <...>. (*пример 4:*) Atque ut id libentius faciatis, iam me vobis, iudices, indicabo et de meo quodam amore gloriae nimis acri fortasse, verum tamen honesto vobis confitebor <...>.

(*причина:*) nullam enim virtus aliam mercedem laborum periculorumque desiderat praeter hanc laudis et gloriae. qua quidem detracta, iudices, quid est, quod in hoc tam exiguo vitae curriculo et tam brevi tantis nos in laboribus exerceamus? (*негативная и позитивная формулировка:*) certe, si nihil animus praesentiret in posterum et si, quibus regionibus vitae spatium circumscriptumst, eisdem omnis cogitationes terminaret suas, nec tantis se laboribus frangeret neque tot curis vigiliisque angeretur nec totiens de ipsa vita dimicaret. nunc insidet quaedam in optimo quoque virtus, quae noctes ac dies animum gloriae stimulis concitat atque admonet non cum vitae tempore esse dimittendam commemorationem nominis nostri, sed cum omni posteritate adaequandam. (*антитеза:*) an vero tam parvi animi videamur esse omnes, qui in re publica atque in his vitae periculis laboribusque versamur, ut, cum usque ad extremum spatium nullum tranquillum atque otiosum spiritum duxerimus, nobiscum simul moritura omnia arbitremur? (*сравнение:*) an statuas et imagines, non animorum simulacra sed corporum, studiose multi summi homines reliquerunt: consiliorum relinquere ac virtutum nostrarum effigiem nonne multo malle debemus summis ingeniis expressam et politam? (*вывод:*) ego vero omnia, quae gerebam, iam tum in gerendo spargere me ac disseminare arbitrabar in orbis terrae memoriam sempiternam. haec vero sive a meo sensu post mortem afutura est sive, ut sapientissimi homines putaverunt, ad aliquam animi mei partem pertinebit, nunc quidem certe cogitatione quadam speque delector (Cic. *Arch.* 26–30; перевод см.: Lomonosov 1952: 188–189).

Как мы видим, сначала приводится основная мысль: «всем людям свойственно стремление к славе». Затем эта мысль изложена синонимами (*interpretatio*). Далее следуют *примеры*, причем в качестве последнего примера Цицерон приводит себя самого. *Причина* общечеловеческого свойства стремиться к памяти своего имени выражена сначала в виде утверждения, затем повторена в риторическом вопросе. Идея о существовании души после смерти представлена как *негативное* высказывание в виде ирреального условного периода, а затем выражена в форме уверенного и энергичного *утверждения*. Следующая вариация темы состоит в доказательстве бессмертия души посредством *антитезы*. Показав, что вся деятель-

ность человека направлена на то, чтобы оставить после себя память, Цицерон переходит к рассуждению о конкретном выражении этой памяти и проводит *сравнение* между произведениями искусства, в которых запечатлена внешность великих людей, и произведениями литературы, которые отражают их мысли. Завершается рассуждение осторожным и неуверенным *выводом*, оформленным как условный период. Не настаивая на бессмертии души и не отрицая его, Цицерон говорит, что ему приятно сознание сделанных им добрых дел независимо от того, ощутима ли будет память о них после его смерти.

Таким образом, все рассуждение строго следует правилам школьной риторики и могло бы иметь чисто декоративную функцию в речи. Однако композиционно этот пассаж (28–30) соответствует рассуждению о пользе наук в жизни политической деятельности Цицерона, которое открывает «отступление» (или *argumentatio extra causam*, 12–30) нашей речи. В результате «отступление» получает рамку: оно начинается с личности Цицерона (12–16) и заканчивается им же (28–30). При этом начальный и заключительный пассаж имеет одинаковый объем и гармонично закругляет всю *digressio*. Композиционная роль фигуры *exprolitio* очевидна. Идейная же ее функция еще более значима. Она служит средством выражения и укрепления в сознании слушателей уважения к поэзии и понимания ее общественной и политической значимости. В самом начале речи Цицерон говорит, что все гуманитарные науки едины (*Cic. Arch. 2*), поэтому область занятий Архия как поэта и Цицерона как оратора близки. Эта посылка позволяет, с одной стороны, показать значимость литературных занятий в жизни, карьере и достижениях Цицерона, а с другой стороны, — продемонстрировать роль поэзии и поэта в укреплении могущества государства. Защита поэзии, таким образом, тесно сливается с защитой авторитета оратора. Тема бессмертия, которое благодаря поэзии обретает не только полководец или общественный деятель, но и весь народ (включая судей), затрагивает честолюбие и тщеславие судей, слушающих речь, и побуждает их к благосклонности, к симпатии и к оправданию поэта (*Lomonosov 1952: 188–189*).

В речи в защиту Архия Цицерон впервые в публичном пространстве говорит о бессмертии души и о существовании сознания после смерти. Впоследствии эти идеи будут высказаны в знаменитом письме к Луцию Лукцею, написанном в июне 56 г. до н.э. (*Cic. fam. V 12*), в «Сне Сципиона» в трактате «О

государстве», написанном в 54–51 гг. (Cic. *r.p.* VI 9–29), и в трактате «Тускуланские беседы», законченном осенью 45 г. до н. э. (ср.: Cic. *Tusc.* I 33;² I 65).

Литература

- Gasparov, M. L. 2000: [Ancient rhetoric as a system]. In: Gasparov, M. L. *Ob antichnoj poesii [About ancient poetry: poets, poetic, rhetoric]*. Sankt-Peterburg: Azbuka, 424–472.
- Гаспаров, М. Л. 2000: Античная риторика как система. В кн.: Гаспаров, М. Л. *Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика*. СПб.: Azbuka, 424–472.
- Gotoff, H. C. 1979: *Cicero's elegant style. An analysis of the Pro Archia*. Urbana, Chicago, London: University of Illinois Press.
- Grammer, F. 2012: *Cicero's Pro Archia poeta. Rezeptionsgeschichte der Verteidigungsrede vor Gericht als politische Kommunikation*. Stuttgart.
- Kasten, H. 1993: *M. Tulli Ciceronis scripta quae manserunt omnia*. Fasc. 19. *Oratio pro P. Sulla. Tertium recognovit Helmut Kasten. Oratio pro Archia poeta. Post P. Reis tertium recognovit Helmut Kasten*. Lipsiae: Teubner (Nachdruck: Stutgardiae et Lipsiae, 1993).
- Lausberg, H. 1960: *Handbuch der literarischen Rhetorik*. München: Max Hueber Verlag.
- Lomonosov, M. V. 1952: *Kratкое rukovodstvo k krasnorechiju [Handbook of Rhetoric]*. In: *Polnoe sobranie sochinenij [Complete Works]*. T. 7. Moscow, Leningrad: Izd. Akademii nauk SSSR, 89–378.
- Ломоносов, М. В. 1952: *Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоюдо красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки*. В сб.: Ломоносов М. В. *Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 89–378.
- Nesholm, E. J. 2010: Language and Artistry in Cicero's "Pro Archia". *The Classical World*. 103, 4. 477–490.

---

² Ср.: *sed nescio quo modo inhaeret in mentibus quasi saeculorum quoddam augurium futurorum, idque in maximis ingeniis altissimisque animis et existit maxime et apparet facillime. quo quidem dempto quis tam esset amens, qui semper in laboribus et periculis viveret?* (Cic. *Tusc.* I 33) «но в сознании людском неким образом живет какое-то предчувствие будущих веков, и чем больше дар, чем выше дух, тем тверже оно держится, тем нагляднее предстает глазам. Не будь это так, кто бы в здравом уме стал подвергать себя вечным трудам и опасностям?» (пер. М. Л. Гаспарова).